

А. В. Ситников

РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Демократия не сводится только к системе политического правления, она включает и определенные мировоззренческие подходы к отношениям между людьми, этические, философские, религиозные и иные основания человеческого существования. Давно замечено, что христианство и демократия были исторически связаны. Либеральная демократия возникла в европейской культуре на основе христианских нравственных ценностей.

В западной науке подробно изучена роль христианства в становлении и развитии европейских демократических институтов. В нашей стране осмысление роли и места религиозного фактора в трансформационных процессах только начинается. Россия и другие европейские страны, в истории и культуре которых важное место занимает православие, с конца 80-х годов встали на путь демократического развития. Каково отношение между православием и демократией? Приемлет ли Православная церковь возникшие в лоне западноевропейской цивилизации либерально-демократические ценности? Роль религиозных и социокультурных факторов в переходных процессах в нашей стране остается пока недостаточно изученной. Между тем без их исследования невозможно понять многие аспекты российской политической культуры и сегодняшнего процесса демократизации.

Методологическим инструментарием настоящей статьи стали приемы анализа общественных процессов, разработанные М. Вебером и Ю. Хабермасом. Предложенная в их трудах методология, ориентированная на социально-культурные характеристики исследуемых объектов, отличается высоким объяснительным потенциалом и позволяет выявлять интересующие нас механизмы общественного развития, движущие факторы и способы социальных преобразований.

Под модернизацией в настоящей статье понимается переход традиционного общества к современному, который включает в себя процессы рационализации, индустриализации, урбанизации, распространения капитализма, современных технологий. В политической сфере модернизация означает переход к системе избирательного права, представительства, политических партий и демократического правления. В сфере образования происходит ликвидация неграмотности, рост ценности знаний и квалифицированного труда. В сфере религии модерниза-

ция приводит к падению влияния церкви, в области семейно-брачных отношений – к ослаблению внутрисемейных связей, в области стратификации – к усилению значения мобильности и индивидуального успеха. В северо-западной части Европы этот процесс шел в течение нескольких веков.

**Становление
современного
общества:
рационализация
и дифференциация
ценностных
сфер**

В основе перехода к современному обществу лежит, согласно Ю.Хабермасу, преобразование мира на основе разума и освобождение человека от всех форм подавления¹. Модернизация – это прежде всего процесс рационализации. Впервые он был исследован М.Вебером, который полагал, что в основе исторического развития от начальной, «магической» ступени общества через секуляризацию к западному типу цивилизации, каким он сложился в Новое время, лежит религиозная рационализация, то есть появление особых религиозных доктрин, наделяющих жизнь и мир, все социальные и космические процессы единым систематическим смыслом и ориентирующих поведение людей таким образом, чтобы этот смысл можно было обрести².

Развитие европейской рациональности прослеживается в капиталистической экономической деятельности и бюрократической власти, и особенно в западном праве. Развитие рационального права было во многом обусловлено западным христианством, которое способствовало возникновению правового государства и современного правосознания. Формальное рациональное право сложилось в Европе к концу XIX века. Но его основы были заложены еще в средневековый период и окончательно выкристаллизовались в Новое время. В фундаментальном исследовании Г.Бермана подробно рассматривается история создания первых светских правовых систем нового времени. Система рационального права возникла в западной церкви для поддержания ее зримого, корпоративного единства под управлением папы. Вычленение канонического права из теологии и его систематизация и рационализация послужили образцом для светского права, которое строилось по аналогии с каноническим³. Все различные светские правовые системы: феодальная, манориальная, торговая, городская, королевская – приспосабливали для себя многие основные идеи и приемы канонического права⁴. Г.Берман отмечает, что понятие верховенства права опиралось на высокий уровень правового сознания, достигнутый на Западе в XII–XIII веках благодаря представлению, что право установлено Богом. Папы и короли издавали законы, но делали это как представители, своего рода «заместители» Бога. Вовсе не они, а Бог есть источник всякого права. Концепция верховенства права поддерживалась господствующей религиозной идеологией⁵. Много столетий спустя концепция верховенства права стала отождествляться с разделением законодательной, исполнительной и судебной властей.

Следствием религиозной рационализации стала дифференциация сфер экономики, политики, религии, науки, морали, права и искусства.

Процесс рационализации был непосредственно связан с выделением этих сфер в самостоятельные области, не зависящие от религии. Веберовские положения о развитии западной рациональности были восприняты многими авторами. В частности, Ю.Хабермас считает, что рациональность является основополагающим моментом современных обществ и двигателем социальной эволюции. В процессе модернизации происходит рационализация социального взаимодействия. В древнем обществе единство и согласие его членов не было мотивировано рационально, но обеспечивалось сферой священного, ритуальной практикой. Единство обеспечивали религиозные символы и ритуалы, не существовало разграничения между правом и моралью. Рационализация культуры приводила к отделению правовых и этических доктрин от религиозного мировоззрения. Мораль и право становились автономными.

После религиозных войн XVI–XVII веков в Европе политический порядок отделяется от религиозного мировоззрения, которое на протяжении многих веков обеспечивало легитимацию государства в традиционном обществе. Единое для всего общества религиозное мировоззрение распадается. В религиозной и мировоззренческой областях возникает плюрализм верований и воззрений. К концу XVIII века мы видим дифференциацию сфер культурных ценностей: вопросы истины, справедливости и вкуса начинают разрабатываться автономно в соответствии с их спецификой. Автономия науки, правовой системы и этики получает институциональное выражение. Единая религиозно-метафизическая картина мира распадается. На смену ей приходят автономные сферы культурных ценностей, которые уже не получают свой смысл и легитимацию извне, из области трансцендентного. Для Хабермаса модернизация – это распад субстанциального разума, выражающегося в религиозных и метафизических картинах мира, на три ценностные сферы: науку, мораль и искусство, обладающих собственными внутренними законами и историей⁶. Решающее влияние на этот процесс в Западной Европе оказали западные христианские конфессии.

Идейные начала либеральной демократии

Идеологические принципы, в соответствии с которыми строится современное общество, развиваются американским политическим философом Джоном Ролзом. В его работах произведена реконструкция тех идей, которые составляют ядро политической культуры современно-го западного общества и его демократических традиций.

Прежде всего Ролз пытается учесть факт общественного и мировоззренческого плюрализма. Важнейшая установка его теории – последовательно придерживаться мировоззренческой нейтральности. Учитывая наличие противоположных представлений о благе, с целью достижения политического взаимопонимания неправомерно содействовать католицизму, протестантизму или любой другой религии. «Ни одно представление о смысле, ценности и цели человеческой жизни, сфор-

мулированное в рамках соответствующих всеобъемлющих религиозных или философских концепций блага, не найдет повсеместной поддержки граждан, поэтому использование базовых политических институтов для претворения в жизнь любого из этих представлений придаст государству сектантский характер»⁷. Главной темой либеральной мысли стало утверждение о том, что государство должно предоставлять равные возможности гражданам для претворения в жизнь любого допустимого представления о благе. Либерализм требует нейтральности государства в отношении всеобъемлющих доктрин⁸ и связанных с ними представлений о благе.

Лишь абсолютно нейтральное учение может быть принято с любых мировоззренческих перспектив. Ролз убежден, что его доктрина отвечает этому требованию. Он даже настаивает, что его теория не должна называться «истинной», ибо предикат истинности, по мнению Ролза, относится к картинам мира, к всеобъемлющим учениям (*comprehensive doctrines*). Истинными или ложными считаются метафизические и религиозные картины мира, которые обременены ответами на основные этические вопросы. Они формируют коллективные жизненные проекты и идентичности. Они являются всеобъемлющими в том смысле, что толкуют мир в целом. Даже у Канта и Милля мы находим, по мнению Ролза, не соответствующую демократическому порядку защиту либерализма, поскольку они опираются на «всесторонние моральные взгляды», что неизбежно станет противоречием.

По мнению Дж.Ролза, политический либерализм формулирует политическую, а не всеобъемлющую концепцию справедливости. Он есть концепция политики, а не жизни в целом. При этом он, конечно, включает в себя определенное содержание, которое исторически связано с либерализмом: например, обосновывает определенные основные права и свободы, присваивает им определенный приоритет и т. д.⁹

Вместо предиката «истинный» Ролз считает необходимым использовать предикат «разумный». Концепция политической справедливости не должна выводиться из некоей всеобъемлющей доктрины, которую определенная группа людей считает истинной. Политический либерализм мировоззренчески нейтрален, ибо представляет собой разумную конструкцию и сам не претендует на истинность в смысле той или иной метафизической или религиозной картины мира. По мнению Ролза, его концепция справедливости полностью нейтральна в мировоззренческом плане, нейтральна по отношению к конкурирующим картинам мира или всеобъемлющим доктринам. Таково одно из основных положений либерализма.

Хабермас отмечает, что теория Ролза претендует на особый статус: она должна «включаться в различные картины мира, становясь их когерентной частью»¹⁰. Обосновать концепцию политической справедливости можно в рамках той или иной всеобъемлющей доктрины, в то же время она может быть выведена вне зависимости от мировоззренческих контекстов. Тем самым политический либерализм претендует

обладать особым статусом, быть основой, на которой граждане всякого современного общества могут достичь базового политического консенсуса. По мнению Ролза, его теория позволяет в условиях религиозного и культурного плюрализма современного общества найти мировоззренчески нейтральный и в этом отношении перекрывающийся консенсус по основным вопросам политической справедливости.

**Традиции
политической
культуры России
в контексте
представлений
о современном
обществе**

Российская политическая культура имеет сложносоставный, переходный характер. В ней присутствуют разнообразные политические ориентации, ценности, взгляды; представлен целый ряд политических субкультур. При этом налицо неспособность сформулировать представление о благе, о национальном идеале, низкий уровень рациональности, отсутствие рациональной мотивации поведения и рационально-го согласования интересов.

Рационализм – один из аспектов христианской картины мира, «относить христианскую религию к сфере иррационального, противопоставляя ее науке как носителнице рациональности и интеллектуализма, было бы не просто упрощением, но и глубоким заблуждением»¹¹. Христианское богословие всегда содействовало общему прогрессу рационализации, ибо, как пишет Григорий Палама, чтобы говорить о Боге, «нужно слово, а также словесное искусство, если хотим не просто хранить знание, но и пользоваться им и преподавать его; нужна затем разнообразная материя рассуждений, доказательные основания и сравнения»¹². Даже догматы в христианстве самым тесным образом связаны с рациональностью, поскольку появление догматического учения было бы невозможным без применения рациональной философской терминологии.

Христианство оказывало влияние на рационализацию общества, прежде всего через систему образования. В Западной Европе старейшие и крупнейшие университеты (в которых всегда изучалась и изучается теология) были созданы усилиями церкви в эпоху средних веков, позднее появились конфессиональные колледжи, школы и т. п. В России вклад христианства в рационализацию осуществлялся через духовные школы¹³. Становление образования в России было связано с западным «пленением», учить начинали с западной схоластики, по схоластическим пособиям. Преподаватель Славяно-греко-латинской академии, а затем ректор Московской духовной академии архиепископ Феофилакт Лопатинский был «в богословии типичный схоластик. Преподавал он по Аквинату»¹⁴. Современный исследователь приходит к выводу, что «разум, по мнению Феофилакта Лопатинского, в интеллектуальном познании играет главную роль»¹⁵. В XVIII веке в российской системе духовного образования начинается влияние рационального протестантского богословия. Наиболее влиятельный богослов того времени Феофан Прокопович «переносил в Россию все основные принципы протестантизма»¹⁶. Г.Флоровский говорит, что Феофан Прокопович целиком

принадлежит к протестантской схоластике XVII века. Его сочинения вполне уместаются в истории немецкого реформированного богословия. Не будь на его трактатах имени русского епископа, «их автора естественнее было бы угадывать в среде профессоров какого-нибудь протестантского богословского факультета»¹⁷.

В начале XIX века в России функционировало 36 семинарий, к 1850-м годам – 47, к началу XX века – уже 58. В 1990 году духовных училищ было 187, а духовных академий 4. Семинарии действовали почти во всех губернских городах, как в центре, так и на окраинах. Они были довольно крупными учебными заведениями – в среднем в каждой обучалось около 600 учеников. Аттестат об окончании полного курса открывал путь к церковному служению, учительству и гражданской службе. Далеко не все выпускники посвящали себя пастырской деятельности¹⁸. Духовные школы ежегодно поставляли обществу сотни дипломированных специалистов, что для огромной страны было, конечно, совершенно недостаточно.

Сравнивая влияние религии на процесс рационализации общества на Западе и в России, конечно, необходимо констатировать, что в нашей стране оно было крайне низким, внешним, занесенным извне и не привело к тем результатам, какие были в Западной Европе. На Западе развитие рациональности через систему христианского образования и через протестантскую трудовую этику шло гораздо интенсивней.

Вплоть до XX века характерной чертой российской культуры являлось стремление к целостности, единству. В этом состояло, возможно, наибольшее различие между западноевропейской и русской культурой. Последней чужда дифференцированность и обособленность отдельных сфер и ценностей западной жизни¹⁹. В России с большим запозданием происходит то, что для М.Вебера и Ю.Хабермаса было основной характеристикой модерна и рационализма западной культуры, – распадение на множество ценностных сфер: науку, мораль, право, искусство и т. д., обладающих собственными внутренними законами и разрабатывающих их автономно, в соответствии с их спецификой. В Европе этот процесс завершился к концу XVIII века.

В России дифференциация сфер из единой религиозно-метафизической картины мира долгое время оценивалась крайне негативно. Русские авторы всегда замечали эту особенность европейской культуры и активно ее отвергали. А.С.Хомяков, И.В.Киреевский, Ю.Ф.Самарин, В.С.Соловьев и др. на многих страницах критиковали «отвлеченный рассудок», «отвлеченные начала»²⁰. Эта же черта характерна и для русских материалистов: Писарев, Белинский, Чернышевский восстают против «отвлеченности».

Данная особенность российской политической культуры связана с такими ее центральными понятиями как «соборность» и «всеединство». Соборность есть определенный принцип собирания множества в единство, она выражает идею такого единства во множестве, при кото-

ром преодолевается раздельность, разъединенность элементов. Для А.С.Хомякова специфический характер соборного единства состоял в том, что оно держится духовной и нравственной связью²¹.

Принцип соборности находится в ближайшем родстве с принципом всеединства: оба они выражают способ организации совершенного единства множества. Всеединство означает принцип внутренней формы совершенного единства множества, согласно которому все элементы множества тождественны между собой и тождественны целому, но в то же время не сливаются в неразличимое сплошное единство. В русской философии метафизика всеединства была ее главным содержанием, отражающим особенности российского менталитета. «Системы всеединства» развивали В.С.Соловьев, С.Н.Трубецкой, П.А.Флоренский, С.Л.Франк, Л.П.Красавин, Н.О.Лосский, С.Н.Булгаков и др.

С ведущей тенденцией к всеединству связано то, что на протяжении всей истории общественной мысли практически до конца XX века в России не разрабатывалась этическая теория как независимая сфера. Нравственные нормы и принципы являлись частью какой-либо всеобъемлющей доктрины и были неразрывно связаны с истиной. Добро, истина и красота понимались не как три разных начала, но как три разных аспекта одного совершенного начала – Абсолюта. Представители революционно-демократического лагеря также считали этику, эстетику и политику частью своей всеобъемлющей «революционной» теории.

Аналогично обстояло дело и с правом. В христианстве право и нравственность имеют общий исток, одно дополняет другое. Положительное право обосновывалось религиозно или метафизически обоснованным естественным правом и моралью. Для православного мировоззрения отнюдь не чуждо правовое сознание. Напротив, как для общества, так и для личности в православии существуют все предпосылки для утверждения уважения к закону, правам человека. Никакого отношения к православию правовой нигилизм не имеет. Любовь, сострадание и милосердие ни в коей мере не отменяют и не нарушают справедливость закона. Феофан Затворник писал, что к числу основных обязанностей православного христианина относится следующее: «знать и хранить законы, охотно им повиноваться и усердно нести все повинности, не отклоняясь от существующих постановлений»²². Руководствуясь заповедями, христианин может отказаться от того, чтобы добиваться справедливости для себя, но ни в коем случае не должен и не может нарушить ее по отношению к другим людям²³.

**Православие
и легитимизация
власти: опыт
самодержавия**

Православие много веков было основой легитимации монархического строя в России. Монархия – форма правления, при которой верховная власть в государстве была сосредоточена в руках одного главы – монарха и передавалась по наследству. В основе монархического строя лежало представление о неравенстве людей. Сам механизм ме-

нархической власти базировался на том, что некоторые люди от рождения от Бога имели право повелевать другими.

Цель у христианского государства совсем иная, чем у современного. Главное назначение государства – спасение подданных. В рамках «сотериологической логики» безусловное повиновение подданных царю есть обязанность, предписанная верой. Она входит в число христианских заповедей, и ее надлежащее выполнение способствует вечному спасению. Повиновение православному царю – часть христианского благочестия. Даже если правитель поступает жестоко, несправедливо или просто бездарно – это его личный грех, который не избавляет подданных от обязанности повиновения и не уменьшает вечную награду за повиновение. Признавая власть монарха, народ тем самым признаёт власть Бога, так как монарху она вручается не народом, а Божественной волей. Монаршая власть существует не для самой себя, но для исполнения Божественной воли и сама оказывается, таким образом, не привилегией, а служением.

В России данные положения просуществовали несколько веков и были закреплены в Своде Основных государственных законов Российской империи, который гласил: «Императору Всероссийскому принадлежит Верховная Самодержавная власть. Повиноваться власти Его не только за страх, но и за совесть Сам Бог повелевает. Особа Государя Императора священна и неприкосновенна»²⁴.

При монархическом строе люди были неравными в общественном отношении. Они подразделялись на сословия. Высшим в сословной иерархии было «благородное сословие», которое имело систему законодательно зафиксированных льгот и привилегий. К началу XX века Российская империя продолжала сохранять черты огромной дворянской вотчины, в которой представители «благородного» сословия и особенно высшей, аристократической его части находились в преимущественном положении, охраняемом и защищаемом всей силой государственной системы²⁵. Основное в подобной системе – отсутствие контроля над элитой и отсутствие состязательности элит в процессе обретения политической власти. Элита имела полностью закрытый характер, не подлежала смене, ее обновление проходило через наследование. Насколько при этом элита обеспечивает оптимальное управление – это вопрос случая. Коррупция, стагнация, упадок и деградация элиты всегда характерны для подобной политической системы.

В абсолютистской модели государственного устройства, окончательно сложившейся в имперский период, царь наделялся огромными властными функциями, на нем замыкалась вся система власти, сосредоточивались функции законодательной, исполнительной и судебной власти. Всякое сколько-нибудь значимое решение почти на любом ее уровне требовало одобрения императора. От различных должностных лиц, общественных и частных организаций на имя царя шел огромный поток докладов, памятных записок, прошений, ходатайств и другой корреспонденции.

Российское правительство последовательно и целеустремленно использовало Церковь как политический инструмент, призванный стабилизировать положение в стране. В XIX веке государственная власть бюрократическими методами управляла духовной, считалось, что решающее слово в духовных делах должно принадлежать светской власти. Религия понималась как орудие государственной политики, произошло закрепощение церкви. Согласно официальной идеологии XIX века, сформулированной С.С.Уваровым, православие есть «истинно русское охранительное начало, составляющее якорь нашего спасения и вернейший залог силы и величия Отечества»²⁶. С.С.Уваров руководствовался прежде всего политическими соображениями, Православие по максимуму использовалось для укрепления существующего строя.

К концу XIX века в России отчетливо проступали признаки кризиса власти, которая, в сущности, была феодальной и не могла отвечать историческим задачам тогда, когда в обществе началось быстрое развитие капитализма, появились новые социальные институты, новая шкала ценностей и приоритетов. Словная власть и отсутствие социальной мобильности стали абсолютным анахронизмом. Успешная предпринимательская деятельность не зависела от принадлежности к престижным сословным группам. Общественная структура усложнилась, складывалось гражданское общество, возникла потребность перехода от авторитарных методов управления к демократическим, к развитию полицентризма и самодеятельности во всех сферах жизни, к передаче власти и ответственности новым, свободно возникающим структурам.

Обычный для многих европейских стран путь модернизации не повторился в России. Причин тому было несколько. Демократия – это рациональная форма власти, обеспечивающая оптимальное управление за счет рационального механизма обновления правящей элиты, контроля над ней и разделения ее функций. Эффективность демократии обусловлена тем, что в правящую элиту попадают люди, победившие в конкурентной борьбе за голоса избирателей. При демократии элита подконтрольна народу, открыта переменам, ее состав подвергается постоянной ротации – система позволяет лучшим представителям народа опробовать свои силы в избирательной борьбе и, возможно, войти в состав правящего класса. Суть демократии – рациональная процедура формирования правящей элиты (принцип состязательности), рациональное ограничение и контроль над ее деятельностью (разделение властей, свобода СМИ и т. д.). Переход к демократии предполагает, что и элита, и избиратели рационально относятся к власти.

В Российской империи этого не было. Представления о власти не были рациональны. Власть царя обосновывалась Божественным соизволением, царь венчался на царство, считалось, что он ответственен только перед Богом. Последние монархи соответствовали тому идеальному образу правителя, который предполагался самодержавной системой правления. Они были лишены амбиций и властолюбия, были бла-

гостеприимными верующими людьми и понимали власть как служение, искренне желая блага стране. Последний российский самодержец был настолько убежден в религиозном характере своей миссии, что все революционные потрясения начала XX века воспринимал как «наносные», «временные», «случайные» и избегал всякого анализа и обобщений, свидетельствующих о набравшем силу процессе десакультурации самодержавия. Политическая целесообразность постоянно вступала в противоречие с религиозным восприятием власти²⁷.

**Советский
период:
модернизация
и секуляризация**

В XX веке в России произошла чрезвычайно ускоренная модернизация, радикально преобразившая все стороны общественной жизни. В рамках «социалистической» модели произошел переход к индустриальному и урбанизированному обществу с высоким уровнем образования населения. К характерным чертам советской модернизации относят рационализацию производства, создание централизованной системы управления экономикой, доминирующую роль государства, тотальное поглощение общества государством, ликвидацию гражданского общества и огромную роль идеологии. Именно атеистическая идеология обеспечивала легитимность власти. Она была основным средством мобилизации всех ресурсов, выполняла интегрирующую функцию, обеспечивала социальную связь, идейно-политическое единство советского народа и т. д. Для советского периода характерно отсутствие реальной дифференцированности и обособленности отдельных сфер науки, морали, права, искусства. Все они подчинялись «единственно верному» марксизму-ленинизму. Существовали «пролетарские» и «классовые» право, искусство, наука, этика и т. д., содержание которых выводилось из догм марксистского учения. Как система социальных практик советская идеология носила тотальный характер, охватывая все поля социального взаимодействия²⁸, была трансцендентной основой жизни не только всего общества в целом, но и отдельно взятых индивидов. Идеология советского общества представляла собой конгломерат идей, мотивов и культур, которые воспроизводили черты архаического религиозного сознания и все типологические особенности религии²⁹.

В 1960-х гг. число верующих в стране составляло примерно 20% всего взрослого населения. В 70-х и 80-х гг. только 8–10% взрослого населения страны являлись активно верующими, в сельской местности этот процент был несколько выше. Успехи в преодолении религии, достигнутые советской властью, трудно преуменьшить. Цель коммунистической партии – полное преодоление религии – не была достигнута, но большинство людей в общественной жизни стали обходиться без религии. Сформировался такой тип верующего, для которого религия не является значимой в политической и общественной деятельности. По сравнению с Западом степень секуляризации в России выше и потому, что модернизация проходила без какого-либо участия религии.

**Пределы
либерализма
и секуляризации:
православный
взгляд**

Одной из составляющих процесса модернизации является секуляризация. Ее суть в образовании множества независимых от религии ценностных сфер. Вместо авторитета священного социальную интеграцию в секуляризованном обществе обеспечивает рациональный консенсус, который призван выразить общность интересов. Ориентация на «иной мир» сменяется ориентациями на «этот мир». Процесс секуляризации влечет за собой не ликвидацию самой религии, а изменение ее роли. Религия как социальный институт отделяется от других социальных институтов (образование, право, политика, семья, мораль, экономика и т. д.). Из главного источника легитимизации она становится частным делом человека. Многие функции религии как социального института ею утрачиваются, но, становясь делом индивидуального выбора, религия не обязательно приходит в упадок. Более того, современное постсекулярное общество заботится о продолжении существования религиозных групп. Современный мир совсем не антицерковен, религиозное сегодня присутствует в культуре наравне с нерелигиозным. Либеральное государство предъявляет лишь одно требование к религиозным сообществам: они должны отказаться от принудительного внедрения истин своей веры³⁰.

Секулярное общество строится на утверждении о том, что религиозная вера является исключительно внутренним, сокровенным делом человека. Религиозная мотивация оправданна и допустима только в том случае, когда ею определяется личная или, в крайнем случае, семейная жизнь граждан. Что же касается иных аспектов человеческого существования, то здесь места для религиозной мотивации быть не может. Данное положение неприемлемо с позиций Православия: «Христианская мотивация должна присутствовать во всем, что составляет сферу жизненных интересов верующего человека. Ибо верующий не может механически вычленивать из духовно-нравственного контекста своей жизни профессиональные или научные интересы, не говоря уже о политической, экономической, социальной деятельности, работе в средствах массовой информации и т. д.»³¹.

Основа либерализма – свобода индивидуума, а также утверждение абсолютной ценности личности, – «не оспаривается богословами, в том числе и православными. Ибо Сам Господь, сотворивший человека по образу и подобию Своему, вложил в него Божественный дар свободы воли. Таким образом, свобода человека предопределена Божиим замыслом, и нарушение ее есть грех»³².

Классическое либеральное понимание свободы верно будет характеризовать как чисто отрицательное. Либеральная концепция свободы – это свобода в рамках закона, который ограничивает свободу каждого, чтобы гарантировать свободу всех остальных³³. Свобода предполагает открытость возможностей, но не гарантии каких-либо определенных благ. Ф.Хайек даже видит упадок либеральной доктрины в том, что сегодня происходит перетолкование свободы как наличия доступа к средствам, нужным для достижения иных целей³⁴. Либерализм не предпола-

гает никакой освященной авторитетом инстанции, которая решала бы для всех вопрос об истине, праведности и т. п. Свобода в либеральном понимании включает в себя также право на заблуждение, право на саморазрушение.

В христианстве свобода – это не конечная цель, она не может рассматриваться как абсолютная ценность. Для православных «подлинная свобода человека – это освобождение от греха, способность подчинить свою волю единственной свободной, абсолютной и праведной воле – воле Бога»³⁵. В православной традиции утверждается, что «если мы вслед за либерализмом потеряем понятие греха, если у нас будет только одно понятие свободы, то мы создадим совершенно нежизнеспособную цивилизацию, которая рухнет, которая будет взорвана напором этой человеческой греховной страсти»³⁶. Образ жизни человека, предполагающего борьбу с грехом, освобождение от власти дьявола – это неременное условие выживания человеческой цивилизации в условиях свободы.

В принципе политический либерализм и религия могли бы сосуществовать как бы в параллельных плоскостях, не соприкасаясь друг с другом. Дж.Ролз считает, что либеральная теория не является всеобъемлющей доктриной и в условиях религиозного и культурного плюрализма позволяет найти мировоззренчески нейтральный консенсус в основных вопросах *политической* истины. Поиск политического консенсуса при сохранении мировоззренческого нейтралитета договаривающихся – это неизбежная реальность сегодняшнего дня. Однако основное требование либерализма – нейтральность по отношению к конкурирующим картинам мира – часто игнорируется самими приверженцами этой идеологии. Либерализм нередко выходит за границы определенной ему области и разворачивает проповедь своих взглядов на жизнь человека в целом. Находящиеся у власти либералы нередко терроризируют людей за их убеждения, маргинализируют тех, кто имеет иные убеждения, воспринимающиеся как неподходящие.

Человеческий потенциал общества и ценности православия

Социологическое понятие «человеческий потенциал» отражает жизнеспособность общества, его готовность и способность к саморазвитию, к активному ответу на множественные вызовы современности. К важнейшим характеристикам человеческого потенциала относятся численность, социально-демографическая структура и состояние здоровья населения, характер ценностного сознания, интересов, уровень образования и квалификации, развитость морали, прочность семей и качество воспитания детей³⁷. Критерием эффективности модернизации служит позитивное развитие человеческого потенциала.

Анализ сдвигов в человеческом потенциале постсоветской России показывает, что он существенно снизился. Нынешние тенденции изменения рождаемости и смертности говорят о том, что численность коренного населения России к концу XXI века должна сократиться более

чем в два раза. По расчетам демографов, количество населения в Российской Федерации к 2100 году будет находиться в диапазоне от 40 до 91 миллиона человек. В основе низкой рождаемости лежит изменение ценностей и глубокая трансформация социального института семьи.

Не лучше обстоят дела с другими составляющими человеческого потенциала. Пребывает в кризисе и его социокультурный компонент, отражающий, помимо уровня образования и морали, также и нормативно-ценностное сознание, особенности мотивации и трудовой этики.

Сегодня всеми исследователями отмечается, что в России сложилось крайне атомизированное общество, в котором практически отсутствуют горизонтальные связи, крайне низка предрасположенность к самоорганизации и готовность к солидарным действиям. Интеграция советского общества обеспечивалась административно-идеологическим принуждением, ресурс которого полностью исчерпан. Сегодня большинство людей (50,7%) считают, что «личные интересы – это главное для человека, их нельзя ограничивать даже ради блага общества», и лишь 31,2% согласны с тем, что «во имя интересов государства и общества людям следует ограничивать свои личные интересы»³⁸. По мнению Ф.Фукуямы, современная Россия относится к тем индивидуалистическим социумам, которые мало приспособлены к объединению в коллективы³⁹. В таких обществах семьи и добровольные объединения являются слабыми. С этим утверждением Ф.Фукуямы трудно не согласиться. Действительно, в последние десятилетия в обществе были во многом утрачены доверие, начала солидарности, национальная идентичность, налицо кризис семьи и пр.

Зависит ли от Православия человеческий потенциал общества? Церковь стремится развивать социальные программы в разных областях. В основном это касается сфер общественной нравственности, сохранения и развития национальной культуры, образования и воспитания юношества, а также благотворительных, научных, издательских проектов. Церковь остается одним из нормообразующих и культуурообразующих институтов, влияющих на формирование этических установок, культурных норм и ценностей. Православие оказывается весомым фактором, способствующим сохранению традиционных ценностей и институтов, его влияние как института культурного воспроизводства, безусловно, присутствует в институтах социализации (семья, система образования), институтах интеграции (группы, коллективы, ассоциации) и др.

В русской мысли, как отмечалось выше, при осмыслении места и роли православия в российском обществе, при создании православной концепции общества использовали категорию соборности⁴⁰. Соборность – это центральное понятие в православной интерпретации общества, его природы и характера общественных связей. С помощью данного представления в русской традиции решалась проблема существования интегрированного сообщества. Соборность выражает способ организации совершенного общественного бытия, в котором цен-

ности православия выступают источником, делающим возможным взаимопонимание участников взаимодействия, достижение ими согласия, гарантируют консенсус по отношению к обсуждаемым проблемам. Соборность есть определенный принцип собирания множества в единство, при котором преодолевается раздельность, разъединенность элементов, и при этом сохраняется их свобода. Специфический характер соборного единства состоит в том, что оно держится духовной и нравственной связью, предполагает реальную внутреннюю общность индивидов на уровне их причастности православной традиции.

Принцип соборности выражает способность к взаимодействию в рамках общества. Религиозно-нравственное требование видеть в другом человеке своего ближнего, относиться к нему как к самому себе, есть не только моральная норма, а неустранимая необходимость общественной жизни. Согласно С.Л.Франку, «в основе всякого, даже самого утилитарного, внешнего отношения между людьми лежит первичное внутреннее единство людей, начало непосредственного доверия и уважения человека к человеку, сознание внутренней близости, интуитивное взаимное понимание. Великий нравственный принцип любви к ближнему, хотя бы лишь в ослабленной, умаленной форме простого усмотрения в другом человеке «ближнего», «себе подобного», – это принцип есть незыблемая и вечная основа, без которой немислимо никакое общество»⁴¹.

Подведем итоги. Модернизация российского общества произошла практически без кого-либо влияния религиозного фактора, а во многом вопреки ему. Россия не повторяет и не сможет повторить опыт Европы. На Западе и в России религиозный фактор оказывал совершенно разное влияние на развитие общества. В России в ходе модернизации собственные духовные традиции противоречиво сочетались с заимствованными на Западе некоторыми принципами политической культуры. Падение человеческого потенциала, жизнеспособности общества, его способности к развитию поставили под вопрос само его существование. Смогут ли сегодня религиозные ценности и традиции способствовать возрождению таких важных условий существования современного общества как доверие, солидарность, ориентация на взаимосвязь? Способна ли российская религиозная традиция выполнить функцию воспроизводства этих ценностей и повысить духовно-нравственный уровень общества? Укоренятся ли в России вновь христианские ценности, установки и модели поведения? Эти вопросы пока остаются без ответа.

Литература и примечания

1. *Хабермас Ю.* Философский дискурс о модерне. М., 2003. С. 8.
2. Немецкий социолог считал, что «отказ от всех отвлекающих удовольствий и жизненного демонстративного пользования богатством, свойственного феодалам, трезвый, рациональный образ жизни, свободный от увлечений красотой мира и искусством или погружения в свои

настроения и чувства – таковы требования и методики в организации жизни, выработанные мирской аскезой Запада, такова ее однозначная цель; типичный ее представитель – «профессионал»; специфическое следствие, отличающее ее от всех остальных религий мира, – рационализация и институционализация социальных отношений». (*Вебер М. Социология религии (типы религиозных сообществ)*. В кн.: *Вебер М. Избранное. Образ общества*. М., 1994. С. 214.)

3. «Папство создало управленческие институты и бюрократический аппарат, необходимые для функционирования правовой системы: профессиональное судейское сословие, казначейство, канцелярию. Это была первая новая западная система управления и права. Со временем ее заимствовали светские и политические образования, оформившиеся в последующие эпохи». *Берман Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования*. М., 1994. С. 502.

4. «Развиваясь отчасти в подражании, отчасти в соперничестве с каноническим правом, каждый из различных видов светского права постепенно стал восприниматься (хотя каждый в весьма различной степени) как правовая система, то есть целостный и ограниченно развивающийся корпус правовых институтов и понятий». Там же. С. 262.

5. Там же. С. 279.

6. *Хабермас Ю. Политические работы*. М., 2005. С. 17.

7. *Rawls Jones. The Priority of Right and Ideas of Good // Philosophy and Public Affairs*, 1988. Vol. 17, № 4. P. 255.

8. Ролз вводит различие между политической концепцией справедливости и всеобъемлющей религиозной, философской или моральной доктриной. Всеобъемлющие концепции формируют наше неполитическое поведение и в предельном случае – нашу жизнь в целом и включают в себя представления о том, что в человеческой жизни обладает ценностью, каковы в идеале личные добродетели и т. д. Религиозные и философские концепции имеют тенденцию быть всеобъемлющими, охватывать все известные ценности и добродетели в рамках одной строго сформулированной системы. Всеобъемлющая концепция по определению всегда выходит за пределы чисто политической сферы и включает в себя неполитические ценности и добродетели.

9. Там же. С. 253

10. *Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории*. СПб., 2001. С. 158.

11. *Гайденко П.П. Христианство и наука: противопоставление или союз*. В кн. *Наука – философия – религия: в поисках общего знаменателя*. М., 2003. С. 13–14.

12. *Палама Г. Триады в защиту священнобезмолвствующих*. М., 1995. С. 105.

13. Светское образование появилось позже. В начале XVIII века Петр I, исходя из сугубо утилитарных целей, стал вводить то, что мы сегодня называем профессионально-техническим образованием: в Санкт-Петербурге и в Москве были открыты школы, которые готовили

моряков и военных инженеров. С 1714 года стали создавать цифровые школы, где учились будущие солдаты. Количество этих школ доходило до 40. Академия наук открылась в 1725-м, а университет в 1755 году, но число студентов университета на протяжении всего XVIII века не превышало нескольких десятков человек. При Екатерине II для высшего сословия были созданы сугубо дворянские учебные заведения – кадетские корпуса. Также к концу екатерининского царствования было учреждено 300 трех-четырёхклассных народных училищ. В начале XIX века были открыты еще четыре новых университета.

14. *Флоровский Г.*, прот. Пути русского богословия. Париж, 1937. С. 98.

15. *Панибратцев А.В.* Философия в московской Славяно-греко-латинской академии (первая четверть XVIII века). М., 1997. С. 96.

16. *Карташев А.В.* Очерки по истории русской церкви. Т. 2. М., 1992. С. 327, 337, 340.

17. Флоровский Г., там же. С. 92.

18. В.В.Розанов приводит такие данные: из 60 человек, закончивших Нижегородскую семинарию в 1901 году, только 16 согласились стать священниками. Из стен семинарий вышли такие люди, как М.М.Сперанский, Н.А.Добролюбов, Н.Г.Чернышевский, В.О.Ключевский, С.Н.Булгаков, а также И.В.Сталин, А.И.Микоян. Среди выходцев из семинарии было много политиков, в том числе и либералов: М.С.Аджемов, Я.К.Имшерский, Н.В.Некрасов – члены ЦК кадетской партии.

19. На это обращает внимание С.Л.Франк: «Русскому духу чужды и неизвестны дифференцированность и обособленность отдельных сфер и ценностей западной жизни – и не по причине его примитивности, а именно из-за того, что это противоречит его внутренней сути. Все относительное, что бы оно собой не представляло – будь то мораль, наука, искусство, право, национальности и т. д., как таковое, не является для русского никакой ценностью. Оно обретает ценность лишь благодаря своему отношению к абсолютному, лишь как выражение и форма проявления абсолютного, абсолютной истины и абсолютного спасения». (*Франк С.Л.* Духовные основы общества. М., 1992. С. 491.)

20. Диссертация В.С.Соловьева называлась «Критика отвлеченных начал» и была посвящена, в частности, критике западного рационализма и обоснованию тезиса, что истина есть сущее всеединое, единство истины, добра и красоты. (*Соловьев В.С.* Критика отвлеченных начал. В кн.: *Соловьев В.С.* Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1990. С. 581–745.)

21. Анализ понятия «соборность» проведен в статье: *Хоружий С.С.* Хомяков и принцип соборности. В кн.: *Хоружий С.С.* После перерыва. Пути русской философии. СПб., 1994. С. 17–29.

22. *Феофан Затворник.* Начертание христианского нравоучения. М., 1895. С. 515–516.

23. Последовательное христианское обоснование права было возвращено В.С.Соловьевым в «Оправдании добра». Право и нравственность – различные, но не противоположные нормативные системы. По

мнению В.С.Соловьева, право и нравственность не совпадают между собой, но между этими двумя сферами существует тесное внутреннее отношение. С нравственной точки зрения нельзя отрицать, пишет В.С.Соловьев, что требование добросовестного исполнения закона, есть требование хотя и элементарного, но все-таки добра, а не зла, и что если мы должны любить врагов, то и подавно должны уважать жизнь и имущество всех наших ближних. Выполнение гражданского закона не требует высшего нравственного совершенства, но и не отрицает его, и, запрещающая кому бы то ни было убивать и обманывать, закон не может, да и не имеет надобности мешать кому угодно любить своих врагов. Таким образом, В.С.Соловьев называет право «низшим пределом, определенным минимумом нравственности». (Соловьев В.С. *Оправдание добра. Нравственная философия*. В кн.: *Соловьев В.С. Соч.*: В 2 т. Т. 1. М., 1990. С. 448.)

24. Свод Основных государственных законов Российской империи издания 1906 года, т. I, часть I, п. 4–5, гл. I.

25. История России: с начала XVIII до конца XIX в. Под ред.: Сахарова А.Н. М., 2001. С. 483.

26. Цит. по: *Гросул В.Я., Итенберг Г.С., Твардовская В.А., Шаццло К.Ф., Эймонтова Р.Г.* Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М., 2000. С. 123.

27. *Фирсов С.Л.* Русская церковь накануне перемен (конец 1890-х — 1918 гг.). М., 2002. С. 54–57.

28. Подробнее см.: *Резинко Д.Б.* Советская идеология как фактор российской модернизации в XX веке (опыт социально-антропологического анализа проблемы). М., 2004. С. 81.

29. См. интересное исследование: *Пименов А.В.* Непрошедшее прошлое: к характеристике нетеистической религиозности. В кн.: *Религия, магия, миф: современные философские исследования*. М., 1997. С. 273–291.

30. *Хабермас Ю.* Будущее человеческой природы. М., 2002. С. 120.

31. Кирилл (Гундяев), митрополит Смоленский и Калининградский. Норма веры как норма жизни. Проблема соотношения между традиционными и либеральными ценностями в выборе личности и общества. В кн.: *Православное богословие на пороге третьего тысячелетия. Материалы богословской конференции Русской Православной Церкви 7–9 февраля 2000 г.* М., 2000. С. 174.

32. Там же.

33. *Хайек Ф.* Либерализм. В кн.: *Миттон Ф., Хайек Ф.* О свободе. М., 2003. С. 146.

34. Там же. С. 148.

35. Кирилл, митрополит Смоленский и Калининградский. Роль религиозного образования в формировании образа жизни человека // Сборник пленарных докладов VIII Международных рождественских образовательных чтений. М., 2000. С. 64.

36. Там же. С. 67.

37. Заславская Т.И. Современное российское общество: социальный механизм трансформации. М., 2004. С. 105.

38. Базовые ценности россиян: Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы. М., 2003. С. 164.

39. Фукуяма Ф. Доверие. Социальные добродетели и созидание благосостояния. В кн.: Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. М., 1999. С. 138. Однако так было не всегда. До 1917 года в России в деловых отношениях был весьма высокий нравственный уровень. От человека, совершавшего деловые операции, ожидали честности, надежности в выполнении своих обязательств. Неприкосновенность к чужой собственности была настолько очевидным явлением, что люди доверяли на слово крупные партии товара. Источники свидетельствуют, что устная договоренность без всякого письменного обязательства была обычным явлением даже между людьми, не бывшими прежде лично знакомыми. Широко была распространена аренда земли на словесно сформулированных условиях. (Громыко М.М., Буганов А.В. О воззрениях русского народа. М., 2000. С. 334–336.)

40. При исследовании категории «соборность» С.С.Хоружий приходит к выводу, что идея соборности очевидным образом включает в себя установку на стяжание благодати, т. е. на участие в реальной церковной жизни. Эти два момента: благодатность и «общественность», — не что иное, как два слагаемых принципа соборности. (Хоружий С.С. Хомяков и принцип соборности. В кн.: Хоружий С.С. После перерыва. Пути русской философии. СПб., 1994. С. 29.)

41. Франк С.Л. Духовные основы общества. М., 1992. С. 113.